

Комплимент
прекрасной
даме

Michelle Moran

The Second
Empress

МИШЕЛЬ
МОРАН



*Избранница
Наполеона*



ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М79

Michelle Moran
The Second Empress

Copyright © 2012 by Michelle Moran
This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *С. Володиной*
Художественное оформление *С. Власова*

Моран, Мишель.

М79 Избранница Наполеона / Мишель Моран ; [пер. с англ. С. Володиной]. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Комплимент прекрасной даме).

ISBN 978-5-699-79566-6

После развода с Жозефиной Наполеон ищет себе новую супругу, и ею оказывается австрийская принцесса Мария-Люция. Ей приходится принять предложение Бонапарта, иначе ее стране грозит разорение. Французский двор встречает новую императрицу настороженно. За ней непрестанно наблюдают, ее лишают всего родного, даже собственного имени. Сложный характер Наполеона, интриги его сестры Полины и запретная любовь к австрийскому графу — императрица постоянно рискует! Между тем близится война с могущественной Российской империей, и Мария-Люция сыграет в этом противостоянии не последнюю роль...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Володина С., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-79566-6

«От моих родных мне было больше вреда, чем им от меня — пользы».

Наполеон Бонапарт

Каир, 25 июля 1798 года

«В газетах ты прочтешь об исходе наших сражений и о нашем завоевании Египта, где мы встретили весьма сильное сопротивление, но сумели пополнить лавровый венок французской армии еще одним листком.

Как никакая другая страна в мире, Египет богат пшеницей, рисом, бобовыми и всевозможными злаковыми. И ни с одной другой не сравнится своей дикостью. Денег нет, войскам платить нечем. Через два месяца я могу быть во Франции. Препоручаю тебе свои интересы.

Дома у меня сплошные несчастья.

Я очень дорожу твоей дружбой. Мне осталось только лишиться ее и узнать, что ты меня предал, чтобы окончательно превратиться в мизантропа. Как больно, когда в твоём сердце живут противоречивые чувства к одному и тому же человеку.

По возвращении поселюсь в какой-нибудь вилле неподалеку от Парижа или в Бургундии. Хочу запереться там на всю зиму.

Я устал от людей. Я жажду уединения и творчества. Величие мне наскучило, сердце мое иссохло. В двадцать девять лет слава мне приелась. Я чувствую в душе полное опустошение. Единст-

*венное мое спасение — это стать эгоистом. Свой дом я сохраню за собой, никого в него не пускай. **Лишних средств к существованию у меня нет.***

Прощай, мой единственный друг. Ты должен признать, что никогда не видел от меня несправедливости, хотя порой такое желание меня и одолевало. Ты меня понимаешь. Передавай привет жене и Жерому.

Нап.»

Из письма Наполеона брату следует, что он знал и мирился с неверностью своей любимой жены Жозефины. Частная переписка была перехвачена британцами и опубликована в лондонской газете «Морнинг Кроникл».

1809 год

Г Л А В А 1



**МАРИЯ-ЛЮЦИЯ, ПРИНЦЕССА
АВСТРИЙСКАЯ**

*Дворец Шенбрунн, Австрия
Ноябрь 1809 года*

При дневном свете в нашей студии я изучаю лицо Марии-Людовики и пытаюсь решить, как ее лучше писать — с золотой диадемой в волосах или без нее. Она стоит от меня всего в паре шагов, протяни руку — и можно дотронуться, она держит кисть и, в свою очередь, рассматривает меня. Придворные моего отца зовут нас «две Марии», уж больно у нас с ней много общего: туфли, увлечения и даже имя. Мы троюродные сестры, но я рослая и крепкая, у меня золотистые волосы и широкие бедра, в то время как Мария-Людовика маленькая и тоненькая. Ее темные волосы волнами ниспадают на плечи, и в отличие от меня она не унаследовала «габсбургскую губу», полную и слегка выдающуюся вперед. При взгляде на нас все думают, что я старше — это из-за моего высокого роста. Но мне всего восемнадцать, а ей двадцать два, и она уже императрица Австрийская, я же всего только эрцгерцогиня.

Когда она прибыла из Италии, я подумала, что будет очень странно иметь мачеху, которая старше тебя всего на четыре года. Она третья жена моего отца, моя мать два года как умерла. Но вскоре после приезда Марии в Вену мы с ней подружились как сестры, мы вместе смеемся над глупыми дворцовыми интригами, ездим в город на рождественские базары и пишем портреты в нашей уютной мастерской с окнами на зимние сады Шенбруннского дворца. Будучи старшей из детей в семье, я никогда не имела подруги одних со мной лет. По возрасту мне ближе всех мой шестнадцатилетний брат Фердинанд, но он от рождения слабоумен, как и наша сестренка Мария-Каролина. Поэтому с детства моим уделом было одиночество.

— Хочешь, я напишу тебя с Зиги? — спрашивает Мария, глядя на спящего у моих ног маленького спаниеля.

— Не знаю, — отвечаю я. — Ты как думаешь, Зиги? Хочешь позировать?

Мой песик открывает глаза и лает.

— Он понимает, что ты говоришь про него! — смеется Мария.

— Еще бы. — Я откладываю кисть, нагибаюсь к Зиги и беру на руки. — В целой Вене не сыщешь более смышленного пса. Ведь правда? — Зиги зарывается головой мне под мышку. Во всей Австрии я не встречала собаки, у которой уши были бы покрыты такой длинной, лохматой шерстью. Мне его подарила Мария, когда только приехала в Шенбрунн, и с тех пор я с ним не расстаюсь.

— Если тебе удастся удержать его на месте, я напишу тебя с ним на руках.

— Зиги, а ну-ка, веди себя как следует! — строгим голосом командую я. Песик кладет голову на передние лапы и поднимает на меня глаза.

— Вот молодец! — Мария макает кисть в черную краску, но не успевает сделать мазок на холсте, как спаниель уже пошевелился. — Ох, Зиги. — Она вздыхает. — Ну что с тобой такое?

— Он нервничает, — оправдываюсь я и шепотом объясняю: — С ним это с того дня, как приехал император.

— Меня это несколько не удивляет. Этого человека даже животные не выносят.

Мы говорим о Наполеоне, в прошлом месяце прибывшем в Вену с унижительным проектом договора, пребывая в полной уверенности, что мой отец, император Священной Римской империи Франциск Второй, его подпишет. Наши британские союзники категорически возражали против капитуляции отца. Но в войне против Наполеона он и так уже потерял три миллиона солдат.

Условия предложенного Наполеоном договора были жесткими, мы должны были уступить Баварии Зальцбург и Тироль, Галисию отдать Польше, Восточную Галисию — России и большую часть Хорватии — Франции. И вот четыреста тысяч наших граждан, не говорящих ни на одном языке кроме немецкого, употребляющих только немецкую пищу и знающих только немецкие обычаи, за одну ночь превратились в подданных четырех разных стран. Зато оставшаяся часть королевства осталась нетронутой, и этим отец обязан князю Меттерниху. Говорят, мир не видывал другого такого дипломата. И что если бы не Меттерних, от великой империи Габсбургов-Лотарингских ничего бы не осталось.

После того как договор был подписан, я слышала перешептывание придворных: «Лучше быть уличным попрошайкой, нежели трусом». Они считали, что отец продал Адриатическое побережье за корону. Но ведь это не их мужья и сыновья гибли на фронте. И не они из ме-

сяца в месяц получали еженедельные списки погибших. Ужасные списки. А я получала. Я сидела там, в Государственном совете империи, поскольку после восшествия на престол Фердинанда мне предстоит сделаться его регентшей. Я понимаю, какую высокую цену затребовал с Австрии Наполеон. Но придворные словно забыли, на что способны французы. Забыли, как всего шестнадцать лет назад они обезглавили мою двоюродную бабушку, королеву Марию-Антуанетту.

Мало кто понимает истинную цену этот договора для моего отца, но Мария в числе этих немногих. Когда наполеоновские войска тринадцать лет назад вторглись в Италию, она была еще ребенком. Солдаты прошли по улицам, забирая все, на что ляжет глаз: кареты, виллы, дорогой фарфор, женщин. Ее отец, правитель герцогства Моденского, собрал всех домочадцев, и они бежали — кто в чем был. По прибытии в Австрию он сделался герцогом Брейсгауским. Но Мария так и не смогла забыть утраченного навсегда Милана, дома, где прошло ее детство, и ей нелегко далось подписание ее мужем Шенбруннского договора — для нее это было равносильно тому, чтобы заново пережить капитуляцию перед злейшим врагом своей семьи.

— А ты заметила, какой он коротышка? — спрашивает Мария, и я уже знаю привычное продолжение.

— Я его видела только издали, — напоминаю я. Я отказалась присутствовать при подписании документа, уступающего часть империи врагу.

— Это просто карлик какой-то! Князь Меттерних говорит, во Франции недоброжелатели называют его Бубновым Королем, маленьким царьком, облаченным в красный бархат и меха. Да кто он вообще такой? — негодует Мария, повышая голос. — Откуда он взялся? Как подумаешь, что нам еще приходится ему кланяться!

Корсиканец. Ты хоть знаешь, чем они на своей Корсике занимаются? — Ответа от меня она не ждет. — Отправляют родных дочерей в бордель зарабатывать деньги. Даже дворяне!

Не знаю, насколько это соответствует действительности, но Мария в этом убеждена.

— Достаточно взглянуть на его сестру Полину. — Она подается вперед, всякая живопись уже забыта. — Что это за женщина, что позирует скульптору нагишом? На-ги-шом!

Эта история вылилась в скандал европейского штаба: дескать, французскому императору под силу командовать армией в триста тысяч человек, но только не своей родней. Сначала Жером Бонапарт выбрал жену вопреки воле брата и сбежал от его гнева в Америку. Затем Люсьен Бонапарт тоже женился без одобрения Наполеона. Теперь Полина бросила в Турине своего второго мужа и ведет в Париже такой образ жизни, какой простителен лишь незамужней женщине, да и то не всякой.

Это семейство не годится ни для какого престола. Я вспоминаю, на какие ежечасные жертвы шел мой отец, стремясь быть достойным представителем династии Габсбургов, пользующимся уважением подданных. Думаю о ночах, которые он провел без сна, наводя порядок в финансовых делах империи, о том, как он не позволял себе никаких фавориток в стремлении хранить супружескую верность, о его бдительном радении о государственной казне. Это неинтересная работа, в ней нет никакого блеска. Но народ — отражение своего монарха, и мы должны служить ему примером.

Нас с сестрой и братом учили вести счет деньгам, и мы имеем точное представление о том, сколько было потрачено на все наши шелковые туфли и теплые пла-

щи. В ноябре отец потратил на меня почти вдвое больше, чем на Марию-Каролину. В следующем месяце буду скромнее. «Монарх, правящий без оглядки на казну, быстро останется без короны», — любит говорить отец.

Особенно если учесть, что Шенбруннский договор нашу империю фактически обанкротил, ведь отец должен был выплатить Наполеону репарацию в размере пятидесяти с лишним миллионов франков. Бонапарт претендовал на сто миллионов, но такую сумму никакая монархия на свете не потянет. Тогда он согласился на половину, но обязал отца отказаться от хождения серебряной монеты и перейти на бумажные деньги. И если сейчас на наших улицах голодают женщины и дети, то только по вине этого договора. И потому, что Наполеон не захотел довольствоваться Хорватией, или Зальцбургом, или даже Тиролем. Ему нужно было показать всему миру, что Габсбурги повержены, и теперь немецкий народ должен страдать за то, что осмелился верить в способность своих монархов встать на пути его амбиций завоевать всю Европу. Но ему и Европы было мало!

Одиннадцать лет назад Наполеон высадился в Египте с армией почти в сорок тысяч человек. Нам говорили, он стремится взять под контроль принадлежащую британцам Индию. Правда же, однако, заключалась в другом. Князь Меттерних больше трех лет жил в Париже в качестве посла при французском дворе, и он рассказывал моему отцу, что в Египет французского императора влекло одно — жажда славы. И что для него ничего важнее не существует. Он хотел править землей, некогда завоеванной Александром Македонским. Он жаждал слышать, как его имя гремит по всей земле.

Глядя, на какую головокружительную высоту он взлетел, можно решить, что на его стороне само Провидение, что это Господь направляет его все к новым

и новым вершинам. Но как такое может быть, если из-за его действий наш народ голодает? Если навязанный им договор вверг в нищету самую добродетельную империю в Европе? Династия Габсбургов-Лотарингских насчитывает без малого восемьсот лет. А этот выскочка возомнил, что способен покорить мир в неполные сорок лет! Да кто он такой?

Я собираюсь наказать Зиги за нежелание сидеть смиренно, как вдруг раздается резкий стук в дверь, и пес соскакивает с моих колен. Мы с Марией обмениваемся негодующими взглядами, поскольку в нашей мастерской никто не смеет нас беспокоить.

— Войдите, — отзывается она.

Зиги рычит на дверь, но на пороге появляются отец с князем Меттернихом. Они входят, и мы тут же встаем. Эти двое — самые красивые мужчины во дворце, у обоих густые золотистые волосы и стройные фигуры. Одному сорок один, другому тридцать шесть, они полны жизни, и у обоих прекрасная кожа. Мой отец унаследовал ее не случайно, это одна из фамильных черт Габсбургов, которая делала предметом мужского обожания Марию-Антуанетту.

— Две Мари, — приветствует нас отец и жестом велит не вставать, хотя мы уже вскочили. — Продолжайте свое рисование, — говорит он. — Мы именно за этим и пришли.

— Что, за какой-то картиной? — удивляюсь я.

— Нам нужны ваши самые несимпатичные портреты.

Я чуть не прыскаю со смеху, но отец сохраняет серьезное выражение. Объяснить берется князь Меттерних:

— Наполеон затребовал портреты дам из всех знатных домов Европы. Особенно его интересуют незамужние европейские принцессы.

— Но ведь он уже женат! — восклицает Мария.

— Поговаривают о его разводе с Жозефиной, — негромко отвечает отец.

Мы с Марией переглядываемся.

— Скорее всего, это пустая затея, — спокойно заявляет Меттерних, — но он обратился с просьбой, и отказать мы не можем. — Меттерних, как всегда, совершенно невозмутим. Попроси Наполеон прислать наши статуи в обнаженном виде, он бы говорил об этом таким же ровным тоном.

— Выбери портрет, на котором ты наименее привлекательна, — говорит отец.

У меня начинают дрожать руки.

— Я думала, он любит Жозефину, — пытаюсь возражать я. Ведь он простил ее даже тогда, когда вся Европа узнала, как она развлекалась, пока он был в Египте.

— Разумеется, он ее любит, — соглашается Меттерних. — Но императору нужен наследник.

— А ребенок от любовницы у него есть, — кривится отец, — что опровергает подозрения в бесплодии с его стороны.

— Будет ли конец скандалам в этом семействе? — Мария поднимается. — Что ж, отправим ему что-нибудь из самых первых портретов, когда мы с тобой и кисть-то держать еще не умели — глядишь, ему и в голову не придет искать невесту в Австрии. — Мы вместе направляемся к стене, возле которой стоят в рамах наши учебные полотна. — Вот этот. — Мария указывает на один портрет. За исключением светлых волос и голубых глаз, меня на нем узнать нельзя.

Князь Меттерних откашливается.

— Насмешки нежелательны, — говорит он.

— Какая уж тут насмешка! — восклицает отец. — Он, наверное, думает, что с женой ему удастся разде-

латься так же легко, как с египетскими мамлюками? Ватикан этого не потерпит. Европа никогда не признает законным его другой брак!

— Тогда он сделает это вопреки воле Папы, — возражает Меттерних. Мы трое смотрим на него в недоумении. — Наглости у него достанет, ваше величество. Ничего нельзя исключать. Я бы посоветовал отослать вот этот, — предлагает Меттерних, указывая на большой овальный портрет, написанный три месяца назад. На нем я больше всего похожа на себя: у меня широко расставленные ярко-голубые глаза, пожалуй, мое главное украшение в реальной жизни. Но на картине схвачен и мой слишком решительный подбородок, длинноватый нос и вздернутая габсбургская губа.

— Нет, — сопротивляется отец. — Тут она больно хорошенькая.

Меттерних переводит взгляд с картины на меня, и я краснею.

— Но он требует максимального сходства! — только и говорит он.

— А как он узнает? — возражает Мария. — Он же ее никогда не видел!

— Ваши величества, этот человек может нагрянуть в Вену хоть завтра, хоть через неделю, хоть через месяц. И что он подумает, когда увидит эрцгерцогиню и поймет, что его провели? Пожалуйста, подберите что-нибудь, что не вызовет у него подозрений.

— Выбирайте тогда сами, какой больше нравится, — предлагает отец. — Только давайте быстрее, и закончим говорить об этом человеке.

Меттерних кланяется.

— Дело касается и вашей супруги, ваше величество. Он же затребовал портреты всех членов монаршей семьи. Если есть картина, которую вы предпочитаете...